

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.2>

Голайденко Лариса Николаевна, Прокофьева Ирина Олеговна

Образ мёртвого города в незаконченном романе уфимского прозаика Светланы Чураевой "Shura_Le" (глава "Чуня")

Цель статьи - определить художественные особенности воплощения образа мёртвого города в первой главе "Чуня" незаконченного романа "Shura_Le" самобытного русскоязычного уфимского писателя С. Р. Чураевой. Научная новизна работы обуславливается тем, что впервые осуществляется анализ опубликованного в литературных журналах фрагмента романа и раскрывается его идейно-эстетическое содержание. В результате исследования выявляется, что автор романа, используя в главе "Чуня" библейские аллюзии, художественно значимые мотивы и топонимические детали, рисуя собирательные образы, которые фокусируют в себе уродливые процессы и явления нравственного распада человеческой души, создаёт образ мёртвого города, разрушающего любую одухотворённую материю.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/7/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 7. С. 9-13. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

В заключение подчеркнем, что тема настоящей статьи не исчерпывается проведенным исследованием, поскольку и в других рассказах В. Пелевина можно обнаружить новые конструкты художественной реальности, которую писатель до сего дня продолжает развивать и совершенствовать.

Список источников

1. Балкинд Е. Л. Условность образов художественной реальности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2015. Т. 1 (67). № 2. С. 69-77.
2. Богданова О., Кибальник С., Сафронова Л. Литературные стратегии Виктора Пелевина. СПб.: Петрополис, 2008. 184 с.
3. Борев Ю. Б. Эстетика: в 2-х т. Смоленск: Русич, 1997. Т. 1. 576 с.
4. Воронина О. Ю. «Игра миров» и художественная реальность: онтологическая проблематика в творчестве В. Набокова // Набоковский вестник. СПб.: Дорн, 2001. Вып. 6. В. В. Набоков и Серебряный век. С. 156-166.
5. Киселева П. А., Кузнецов А. В. Философия солипсизма и ее отражение в художественной литературе (на примере рассказа Виктора Пелевина «Девятый сон Веры Павловны») [Электронный ресурс] // Молодежный научный форум. Гуманитарные науки: электронный сборник статей по материалам XI студенческой международной заочной научно-практической конференции. М.: МЦНО, 2014. № 4 (11). С. 37-47. URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/4\(11\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/4(11).pdf) (дата обращения: 24.05.2020).
6. Лихина Н. Е. Актуальные проблемы современной русской литературы. Постмодернизм: учеб. пособие. Калининград: Калининградский государственный университет, 1997. 59 с.
7. Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе. М.: Независимая газета, 2000. 506 с.
8. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. 588 с.
9. Пелевин В. О. Сочинения: в 2-х т. М.: Терра, 1996. Т. 1. Омон Ра: роман; Бубен Нижнего Мира: рассказы. 368 с.
10. Руднев В. П. Новая модель реальности. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 224 с.
11. Руднев В. П. Прочь от реальности. М.: Аграф, 2000. 280 с.
12. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. М.: Аграф, 1999. 381 с.
13. Щучкина Т. В. Циклическое единство малой прозы В. Пелевина (сборник рассказов «Синий фонарь») // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Вып. 3. С. 116-121.

Artistic Realia in Victor Pelevin's Early Stories

Ayupov Timur Rustamovich

Leningrad State University named after A. S. Pushkin, St. Petersburg

Timurka2005@bk.ru

The purpose of the article is to identify the functions of the “alien word” in the process of creating artistic reality as a part of the literary strategy in Victor Pelevin's stories “The Crystal World” and “Vera Pavlovna's Ninth Dream”. Scientific novelty of the study lies in the fact that V. Pelevin's creative work of the 1990s is barely represented in scientific literature from the perspective of constructing artistic reality in the context of postmodernism. The attained results have demonstrated that V. Pelevin's early stories are within the unconventional approach to constructing artistic reality, which consists in the synthesis of “objective” and “subjective” realia attributable either to the specifics of a character's consciousness or to some external force placing these realia at the level of irreality, which is new to the Russian literature.

Key words and phrases: postmodernism; reality; artistic reality; realia; solipsism; Pelevin.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.2>

Дата поступления рукописи: 11.05.2020

Цель статьи – определить художественные особенности воплощения образа мёртвого города в первой главе «Чуня» незаконченного романа “Shura_Le” самобытного русскоязычного уфимского писателя С. Р. Чураевой. Научная новизна работы обуславливается тем, что впервые осуществляется анализ опубликованного в литературных журналах фрагмента романа и раскрывается его идейно-эстетическое содержание. В результате исследования выявляется, что автор романа, используя в главе «Чуня» библейские аллюзии, художественно значимые мотивы и топонимические детали, рисуя собирательные образы, которые фокусируют в себе уродливые процессы и явления нравственного распада человеческой души, создаёт образ мёртвого города, разрушающего любую одухотворённую материю.

Ключевые слова и фразы: С. Р. Чураева; современная уфимская проза; образ мертвого города; библейские аллюзии; система мотивов; собирательные образы-персонажи.

Голайденко Лариса Николаевна, к. филол. н., доц.

Прокофьева Ирина Олеговна, к. филол. н.

Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, г. Уфа

ingolaydenko@gmail.com; kazahenko2010@mail.ru

Образ мёртвого города в незаконченном романе уфимского прозаика Светланы Чураевой “Shura_Le” (глава «Чуня»)

С каждым годом растёт интерес исследователей к региональной (локальной, провинциальной) литературе: именно из творчества региональных поэтов, прозаиков, драматургов складывается современный литературный

процесс. Литература начала XXI века перестаёт быть литературоцентричной: она сконцентрирована сегодня в провинции, в регионах, где одновременно возникают яркие имена писателей и закладываются основные направления и тенденции развития «новейшей» литературы.

«Специальное многоаспектное изучение региональной литературы как локально-регионального феномена культуры позволяет не только противостоять глобализации и унификации национальных культур и российской культуры, но и составить целостное представление об общероссийском литературном процессе» [10, с. 148]. Так, представители уфимской художественной прозы, публикуясь как в региональных, так и в российских журналах, номинируясь на различные литературные премии, получая положительные отзывы критиков, литературоведов и маститых писателей, занимают достойное место в постоянно развивающемся литературном процессе.

В нашей статье мы обращаемся к анализу прозы современного уфимского русскоязычного автора Светланы Рустэмовны Чураевой, чьё имя стоит особняком в уфимской литературе. Несмотря на всё возрастающий интерес читателей и литературной критики к прозе С. Р. Чураевой, её творчество до сих пор остаётся малоизученным и требует глубокой и всесторонней характеристики. Этим и определяется *актуальность* нашего исследования.

В статье решаются взаимосвязанные *задачи*: 1) выявить в произведении библейские аллюзии и систему мотивов, определить функцию топонимических деталей; 2) охарактеризовать собирательные образы персонажи, возникающие в данном художественном тексте.

Материалом изучения является роман “Shura_Le” С. Р. Чураевой, точнее, его первая глава «Чуня», которая опубликована автором в центральных (московских) и региональных литературных журналах.

Мы используем следующие *методы исследования*: описательный метод, включающий в себя приёмы интерпретации и обобщения, и метод сравнительно-сопоставительного анализа.

Теоретической базой для написания статьи служат работы таких литературоведов и литературных критиков, как В. В. Абашев [1], К. И. Абрамичева, Б. В. Орехов [2], Е. И. Дергачева-Скоп, В. Н. Алексеев [4], Ю. А. Горюхин [3], Л. В. Оборин [6], Н. К. Пиксанов [7; 8], И. О. Прокофьева [11], Л. С. Соболева [12], Е. К. Созина [13], П. И. Фёдоров [14], И. А. Фролов [5] и др.

Практическая значимость материалов исследования заключается в возможности их применения с целью дальнейшего научного осмысления всей современной русскоязычной уфимской прозы в целом, а также творчества С. Р. Чураевой в частности; в практике преподавания современной русской литературы на филологических факультетах вузов: при подготовке общих и специальных лекционных курсов, создании учебных пособий по современной русской литературе и литературному краеведению.

В поисках методов и подходов изучения региональной литературы наука возвращается к забытому, но востребованному сегодня понятию «областное культурное гнездо», введённому ещё в 20-е годы XX века Н. К. Пиксановым [8, с. 8]. Актуализированная учёными методологическая теория Н. К. Пиксанова, заключающая в себе чёткую схему исследования провинциальной литературы, нашла широкое применение в современной регионалистике [7; 8].

Литературоведы выделяют и используют два основных подхода в характеристике локальной литературы [1; 4; 12; 13].

Первый – традиционный (к нему обращались во второй половине XIX века), который позиционирует провинциальную литературу как периферийную по отношению к литературе центра. Этот подход в наши дни дополнен системно-типологическим и сравнительно-культурологическим методами исследования.

Второй – структурно-семиотический, он развивает феноменологический подход, базирующийся на феноменологической философии, геокulturологии и геофилософии [1]. «Согласно этому подходу, образ места (города, области, региона) – это имя места, являющееся не его конвенциональным знаком, а выражением смысловой сущности пространства, это имя, разворачивающееся в миф. <...> Заметим, что концепт культурного гнезда Н. К. Пиксанова без противоречий вписывается не только в инструментальный традиционный подход, но и в структурную семиотику и феноменологию пространства. И, более того, цельная форма его ёмкого понятия позволяет избежать методологической эклектичности в условиях поиска синтетического подхода к изучению региональной литературы» [10, с. 149].

Возвращаясь к понятию «областное культурное гнездо» Н. К. Пиксанова, можно с уверенностью утверждать, что уфимская литература конца XX – начала XXI века – полноценное «литературное гнездо».

Подчеркнём, что в основу теории-концепции Н. К. Пиксанова положен социологический метод исследования литературы периферии, что делает важным функционирование, развитие одновременно с литературой региона таких видов искусства, как живопись и театр; преемственность между писателями разных поколений; развитие литературных журналов, литературных объединений и литературной критики; изучение литературы родного края в вузе и школе и т.п.

Исследователи уфимской литературы отмечают наличие всех этих, если можно так выразиться, видов коллективной деятельности. При этом учёные так же единодушно выделяют среди русскоязычных уфимских авторов самые яркие имена писателей двух последних десятилетий, как-то: В. А. Богданов, Ю. А. Горюхин, А. Р. Кудашев, К. Ф. Зиганшин, И. А. Фролов, П. А. Храмов, М. А. Чванов, С. Р. Чураева, Р. Х. Шаяхметова [2; 3; 5; 14].

С. Р. Чураева, проза которой, по словам мэтра современной русской литературы В. С. Маканина, «внешне лёгкая, но одновременно тонкая, выверенная в каждом слове – оптимальная для читателя наших дней» [Цит. по: 15, с. 114], ещё и поэт, драматург, публицист, переводчик. Она в настоящее время – член Союза писателей Башкортостана и России, председатель отделения русскоязычных писателей Башкортостана,

секретарь Союза молодых писателей России, лауреат многих литературных премий. Её перу принадлежат пьесы «Папа», «Дорога для одного», «Прежде прежнего» и др.; повести «Ниже неба: акварели», «Последний Апостол (Повести о необычайных приключениях святого Павла)», «Девочка и графоман»; рассказы «Моя пятнадцатидневная война», «Я там был», «Остров любви» и мн. др. Наконец, в 2012-2013 годах автором были опубликованы первые фрагменты романа “Shura_Le” («Октябрь» (2012), «Бельские просторы» (2013)) [16-18]. Мы уже обращались к анализу одной из частей этого романа («Чудеса несвятой Магдалины») [9].

Мир – мёртвый город, в котором живут люди, принимающие поддельное, механическое, неодошевлённое за естественное и единственно настоящее. А человек в этом мире – либо кукла-робот, перестающая чувствовать и существующая в искусственной действительности, либо сытое животное, продолжающее поживать вокруг себя всё живое, уничтожающее любую одухотворённую материю. Душа умерла, Бога нет, воскресения не будет. Апокалипсис. Только Любовь – единственный шанс на спасение. Такие библейские аллюзии невольно возникают, когда читаешь роман С. Р. Чураевой “Shura_Le”.

Перейдём непосредственно к сюжету главы «Чуня». Роман “Shura_Le”, по замыслу писателя, строится на нескольких сюжетных линиях, тесно переплетающихся между собой и дополняющих друг друга. Эти линии связаны с тремя центральными героями: Чуней, Магдалиной и Шурой.

«Только рыбы спасутся во время потопа» (Св. Антоний Падуанский) – эти слова неслучайно взяты эпиграфом ко всему тексту романа [16, с. 116]. Только освободившись от «благ» цивилизации, уничтожающей в человеке человеческое, только вернувшись к истокам природы, осознав и признав её разумность и гармоничное устройство, человек очистит душу от скверны и, вернувшись в младенческое состояние, спасётся.

Начинается роман С. Р. Чураевой с образа Чуни (настоящее его имя – Летов Александр Павлович) – их несколько в тексте: Чуня № 1, Чуня № 2, Чуня-сирота. Н. В. Гоголь заметил в поэме «Мёртвые души», что таких, как «дубиноголовая Коробочка», много среди чиновников, а таких, как Чуня, много среди предпринимателей, депутатов и вообще тех, кто причисляет себя к сильным мира сего.

Чураевский герой меняется от эпизода к эпизоду. Чуня № 1 – самодовольный царёк, изрекающий истины, рассуждающий о Пушкине, объясняющий народу-электорату, ЧТО такое Пушкин; мечтающий написать книгу, непременно «толстую», подобно «Евгению Онегину», и непременно под названием «Маленькие радости большого мужчины». Нет, это не о сексе, объясняет он Шуре, московской журналистке, приехавшей из столицы брать у него интервью. Это о «маленьких радостях» обеспеченного человека: хороших сигарах и их правильном хранении; о дорогих костюмах ручной работы; о правильном запахе дорогого коньяка, который должен пахнуть только мокрым деревом, то есть бочкой. Зачем герою пушкинские «Маленькие трагедии», когда их легко заменить маленькими «радостями»?

Безусловно, только чудо может помочь Чуне, безликой и самовлюблённой политической кукле, снова стать Сашкой, простым деревенским мальчишкой, вернуться к родным истокам и возродиться. Это чудо должно обратить мёртвое в живое, тьму – в свет, а пустоту души наполнить любовью.

Практически все мотивы, возникающие в романе уфимского автора, вербализованы: мотивы города, сиротства, потопа, слёз, Апокалипсиса, любви, естественного природного начала, рождения, рассвета, огня, солнца, спасения, воскрешения.

Так, образ восходящего солнца в романе уфимского писателя сравнивается с физиологическим процессом рождения ребёнка. Только вот Солнце рождается у С. Р. Чураевой над «безглазым, тугоухим и потным», «бездумным», «суетливым», «беспечным», «беззащитным» городом [Там же]. И это, безусловно, символично. Есть свет, тепло, а человек живет во мраке, пустоте и холоде.

Автор романа рисует образ города, в котором с помощью конкретных, узнаваемых топонимических деталей (мечеть «Ляля-Тюльпан», парк Победы, памятник Салавату Юлаеву, «город на холмах») читатель может узнать Уфу. Несмотря на это, создаваемое С. Р. Чураевой пространство шире его географических характеристик. Уфа изображается как любой безликий, провинциальный город, который утратил свою индивидуальность, жизнь которого давно зашла в тупик и который серьёзно болен. Болезнь же эта – пошлость, отсутствие фантазии, достоинства – одна фанаберия.

Чуня № 1 – великий и неповторимый человек, от которого так и смердит городской мертвечиной. «А ведь утром ещё никто не знал, что он – Чуня. Все думали, что он гендиректор, совладелец заводов и без пяти минут госдумовский депутат. Физиономия его смотрела с плакатов на стенах, проплывала, хмурая “домиком” брови, на бортах троллейбусов, выезжающих из депо, надувало щёки в зеркале в ванной» [Там же, с. 117-118].

Образ этого героя собирательный. Чуня и ему подобные убеждены, что они возведены чуть ли не в царственные особы и держат руку на пульсе общественной жизни: открывают храмы и мечети, «поджигают факел отраслевой УЭНПиады», встречаются на ток-шоу с электоратом, многозначительно пустословят, дискутируя ни о чём [Там же, с. 118].

Потеряв связь с настоящей жизнью, такие люди в городских джунглях становятся людоедами. Разнообразием людоедов в романе С. Р. Чураевой много, например, людоед-маньяк; людоед-политик или бизнесмен; людоед – инженер человеческих душ.

Вслед за людоедом-бизнесменом Чуней в романе появляются людоеды-писатели. Как и положено, в «полицейском» пространстве, в котором есть представители центрального и «окраинного народа», встречаются «великие» русские и не менее «великие» башкирские писатели, тихо ненавидящие друг друга. Это, например, Михаил Аникич Иванов и Кашкар Амир.

Имена властителей человеческих дум «говорящие»: *Аник* – это гора с потухшим вулканом в Приморском крае; *кашкар* – «волк» в тюркских языках; *Амир* в переводе с арабского – «принц, повелитель, начальник». Автор подчёркивает, что выражения лиц, точнее, «зачерствевших морд» известных писателей нечеловеческие.

Когда русский прозаик улыбается, то «всем вокруг кажется – цапнет», а «национальный классик» «щурит глаза и обнажает клыки» [Там же, с. 126].

Есть в романе образ ещё одного доморощенного «классика», рангом пониже, но всё же «члена местного союза писателей»: он не волк, а скорее, ягнёнок. Он выходец из глубинки. Товарищи по цеху как-то забыли его во время, видимо, просветительской поездки по районам родной республики. «Тело классика» потеряло в этой поездке самое «дорогое»: нет, конечно, не честь и достоинство, не лицо – просто штаны.

Кому как не писателю, который в России всегда не меньше, чем учитель и пророк, предчувствовать и напоминать человечеству о надвигающейся катастрофе, Апокалипсисе. А значит, надо найти и указать единственно верный путь для спасения... Но в чураевском романе поиск этого пути идёт не для народа, а для отдельной нетленной особы. В романе “Shura_Le” русский «классик» строит убежище, в котором основным источником питания станут зофобасы – насекомые (черви или жуки), питающиеся падалью, мертвечиной: её во время потопа, последнего катаклизма будет предостаточно.

В романе возникает ещё один не менее живописный собирательный образ – образ местного районного начальства, подобострастного, проворного, «терпеливо излучающего гостеприимство», путающего род, склонения и падежи, но почтительно склоняющегося перед высокими гостями. Автор называет их в романе либо «люди в пиджаках», либо «пиджачные», а возглавляет безликую суеязящуюся кучку существ «хозяин в потной рубашке» [17, с. 85].

Вот такой страшный и уродливый мир мёртвых особей, расползающихся по всей земле, создаёт С. Р. Чураева в своём произведении. И только чудо, по мнению писателя, спасёт и воскресит его неживых обитателей.

И оно происходит. Чуня № 2, удивительным образом избежавший физической смерти, влюбляется в хрупкую, почти бестелесную инопланетянку из Москвы, всю в проводах, с лысым черепом, постоянно меняющую цвет своих глаз и волос благодаря линзам и парикам.

И вот уже Чуня-сирота, рассказывающий Шуре о своём сиротстве (его родители и близкие друзья юности умерли), смутно ощущает, что не всё в нём погибло. Пока остаются жить воспоминания о детстве, о мальчишке, для которого, например, лес был вторым домом: там можно было бегать даже ночью, неся от соседей угли для потухшего очага. Глеющие угли становятся своеобразным символом ещё не угасшей человеческой души.

Отправившись в горы, Чуня пытается найти ответ на сложный вопрос – а есть ли Бог. Если Бога нет, «то реальность – это зофобасный мирок, где всё служит для насыщения бескрылых червей»; если Бог есть, то «Он смотрит на нас – с брезгливостью? с грустью? – как на аквариум с червями, в котором мы безмятежно ползаем... И – такие – мы не можем быть с Ним единым сияющим целым» [Там же, с. 102].

И всё же на душе у Чуни становится легче. Слезы смывают с его души черноту, делают сердце чище, возвращают ему умение чувствовать. «Чуня шёл один по нестрашному лесу и плакал, вымывая слезами все сомнения, все тревоги. На душе становилось всё светлей и светлей. Если этот мир не удался и его ждёт конец, – пусть. Чуня понял, что легко пойдёт навстречу Потопу. Войдёт в его воды. Или в огонь – ко всему надо быть готовым. Необъяснимое чувство радости и сыновства охватило Сашку – словно он мальчишкой бежит по склону, раздувая в пламенеющем совке уголь. Забрестило утро» [Там же].

Если сравнить Чуню в начале романа и в сцене после посещения убежища великого русского «классика», то можно говорить о качественном преобразовании героя. Во всяком случае, он точно растерял свой привычный лоск и былую спесь, заблудившись в лесу, а затем попав в забытую всеми башкирскую деревушку.

Бизнесмены, псевдописатели, раболепное районное начальство, уродливый город – это та галерея образов, с помощью которых автор в первой главе «Чуня» романа “Shura_Le” создаёт мёртвое пространство.

Как изменится, преобразится жизнь героя, мы узнаем только в следующей части романа. Она связана с Шурой, московской журналисткой, случайно попавшей вместе с Чуней в мир, где сохранились родовые традиции общинной жизни башкир, природная чистота человеческих взаимоотношений.

Анализ первой главы «Чуня» романа С. Р. Чураевой “Shura_Le” позволяет нам сделать следующие **выводы**.

В начале произведения уфимского прозаика возникает ряд важных библейских аллюзий, которые вводятся в текст художественного повествования с помощью эстетически значимых мотивов города, сиротства, слёз, любви, естественного природного начала, рождения, рассвета, огня, солнца, спасения, воскрешения, а также специфических топонимических деталей, связанных с тюркской культурой.

Ключевым в первой главе романа является христианский мотив Апокалипсиса, конца света, потопа, к которому, по мнению автора, неизбежно идёт не верующее в Бога человечество, утратившее всякую связь с духовностью и природным началом и разучившееся любить.

Действие в главе «Чуня» в основном разворачивается в Уфе, которая узнаваема по определённым топонимическим деталям. Уфа писателя – это не только столица Башкортостана, но и любой другой провинциальный, промышленный город, мёртвый и безликий, утративший свою индивидуальность. Однако это город, который, безусловно, существует, по замыслу автора, на стыке русской (европейской) и тюркской (азиатской) культур. Такая особенность данного образа найдёт своё яркое воплощение только в последующих главах романа С. Р. Чураевой, что и позволит писателю мифологизировать художественное пространство.

Люди, живущие в мёртвом городе, – подобно чеховским героям, мёртвые функционеры, марионетки, чьё поведение в обществе определяется их социальным статусом. Именно поэтому С. Р. Чураева создаёт в произведении яркие собирательные образы-персонажи. Это пресмыкающиеся и, наоборот, пожирающие себе

подобных человеческие особи: людоеды-политики или бизнесмены; людоеды – инженеры человеческих душ; раблепное районное начальство и т.п.

Данные персонажи, как правило, статичны. Изменениям в романе С. Р. Чураевой подвергаются только главные герои. Так, Чуня, с которым связана одна из магистральных сюжетных линий произведения, из самодовольного вершителя судеб вновь превращается в простого деревенского Сашку, выросшего в башкирской глубинке. Любовь к Шуре возрождает душу героя, возвращает его к своему исконному, природному началу.

С. Р. Чураева предлагает в своём романе путь преобразования мёртвого человекоподобного существа, чья душа исковеркана «благами» цивилизации, в Человека, созданного по образу и подобию Божию. Только Любовь, утверждает уфимский писатель, способна воскресить человеческую душу.

В конце 2020 года центральное республиканское издательство «Китап» (г. Уфа) планирует публикацию романа С. Р. Чураевой “Shura_Le”, что позволит литературным критикам и литературоведам обратиться к анализу уже полной версии произведения и комплексно рассмотреть все три его сюжетные линии, связанные с Чуней, Магдалиной и Шурой. Также видится перспективным не только определение места и значения первой главы в контексте художественного целого, но и сопоставление «Чуни» 2013 года с последней, финальной редакцией 2020 года.

Список источников

1. **Абашев В. В.** Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. 404 с.
2. **Абрамичева К. И., Орехов Б. В.** Взгляд на уфимскую литературу в 2006 году (первое полугодие) // Гипертекст. 2006. № 6. С. 20-23.
3. **Горюхин Ю. А.** Попытка индифферентного комментария // Бельские просторы. 2005. № 3. С. 197-198.
4. **Дергачёва-Скоп Е. И., Алексеев В. Н.** Концепт «культурное гнездо» и региональные аспекты изучения духовной культуры Сибири [Электронный ресурс]. URL: <http://zaimka.ru/dergacheva-concept> (дата обращения: 02.03.2020).
5. **Игорь Фролов: «Реформа писательского союза необходима и неотложна» (интервью В. Денисова с И. А. Фроловым)** // Истоки. 2013. № 22. 5 июня. С. 10-11.
6. **Оборин Л. В.** Смешанный рельеф // Знамя. 2009. № 7. С. 230-232.
7. **Пиксанов Н. К.** Два века русской литературы. М. – П.: Государственное издательство, 1923. 184 с.
8. **Пиксанов Н. К.** Областные культурные гнёзда: историко-краеведческий семинар. Введение в изучение темы для культурно-краеведческих работ, систематическая библиография, руководящие вопросники. М. – Л.: Государственное издательство, 1928. 148 с.
9. **Прокофьева И. О.** Женское Евангелие от С. Чураевой (на материале рассказа «Чудеса несвятой Магдалины») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 8 (26): в 2-х ч. Ч. 1. С. 135-138.
10. **Прокофьева И. О.** Основные подходы и методы исследования региональной литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (54): в 4-х ч. Ч. 1. С. 147-151.
11. **Прокофьева И. О.** Уфимская художественная проза конца XX – начала XIX веков: состояние и функционирование: автореф. дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2016. 28 с.
12. **Соболева Л. С.** Концепт «культурное гнездо»: возврат из забвения // Регионы России для устойчивого развития: образование и культура народов Российской Федерации: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Новосибирск, 25-27 марта 2010 г.). Новосибирск, 2010. С. 253-259.
13. **Созина Е. К.** Введение // Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий: конец XIV – XVIII вв.: коллективная монография / отв. ред. Е. К. Созина. Екатеринбург: УрО РАН; Союз писателей, 2006. С. 5-20.
14. **Фёдоров П. И.** Русская проза Уфы: прошлое, настоящее, будущее // Бельские просторы. 2013. № 12. С. 36-41.
15. **Чураева С. Р.** Чудеса несвятой Магдалины // Октябрь. 2012. № 12. С. 114-127.
16. **Чураева С. Р.** Чуня. Из романа “Shura_Le” // Бельские просторы. 2013. № 9. С. 116-144.
17. **Чураева С. Р.** Чуня. Из романа “Shura_Le” // Бельские просторы. 2013. № 10. С. 86-102.
18. **Чураева С. Р.** Чуня. Из романа “Shura_Le” // Бельские просторы. 2013. № 11. С. 122-155.

Image of Dead City in Unfinished Novel “Shura_Le” (Chapter “Chunya”) by the Ufimian Prose Writer Svetlana Churaeva

Golaidenko Larisa Nikolaevna, PhD

Prokof'eva Irina Olegovna, PhD

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa

Ingolaydenko@gmail.com; kazahenko2010@mail.ru

The article aims to identify artistic peculiarities of creating the image of a dead city in the first chapter, “Chunya”, of the unfinished novel “Shura_Le” written by the unique Russian-speaking Ufimian writer S. R. Churaeva. Scientific novelty of the study is determined by the fact that for the first time the analysis of the novel’s fragment published in literary journals is conducted and the fragment’s ideological and aesthetic content is revealed. As a result of the research, it is found that the novel’s author, by employing biblical allusions, artistically significant motifs and toponymic details in the chapter “Chunya”, portraying collective characters that embody distorted processes and phenomena of the human soul’s moral decay, creates the image of a dead city destroying any spirited matter.

Key words and phrases: S. R. Churaeva; modern Ufimian prose; image of dead city; biblical allusions; system of motifs; collective characters.